

*Соединяясь в любви – мы держимся;
разделяясь в раздоре – мы падаем.*

Люси Малори

Жил-был принц. Не в тридевятом царстве, не в хоромах, а в огромном теле весом сто пятьдесят килограммов. Работал он учителем истории, вёл кружок восточной культуры, а по вечерам писал книгу о китайском фольклоре «Истинный Фо».

Он с детства любил Китай, где во дворцах из белого и голубого фарфора жили упитанные мандарины в шёлковых халатах с золотыми цветами, а под крышами храмов, скрестив ноги, сидели добродушные буддийские боги с уютными складками на животе и подбородке.

Всю жизнь он мечтал пройти по китайской стене, увидеть древние города и музеи, искупаться в тёплом Южно-китайском море, и откладывал деньги в двадцать девятый том Брокгауза и Ефрона. И однажды судьба вмешалась в его неторопливые планы, подкинув горящую путёвку на остров Хайнань.

Вклад в универсальную энциклопедию был спешно изъят, в учительский портфель брошены рубашки и футболки из магазина «Богатырь», толстая фиолетовая тетрадь для путевых заметок и курица, которую заботливая мама успела зажарить в дорогу.

В аэропорт он примчался, когда уже объявляли посадку, протиснулся к иллюминатору, подняв подлокотник слева и упёршись коленями в спинку переднего сиденья, отчего она перестала опускаться.

Но суета и недовольство соседей были забыты, как только за окном показали озарённые рассветными лучами Тибетские горы. Вдоль окоёма, неровного, как небрежно разорванная чёрная бумага, проступила горизонтальная радуга – все семь цветов светового спектра, будто на картинах Рериха, яркость красок которых прежде казалась ему преувеличенной.

Приземлившись в аэропорту Санья-Феникс и с трудом вдохнув воздух, спрессованный солнцем и близким морем, он добрался до гостиницы, бросил сумку в номере с нарисованным на стене кактусом и поспешил на зов прибоя.

Несмотря на поздний час, улицы были полны разморённой за день публичкой, которая с удивлением оглядывалась на огромную фигуру в мешковатом чёрном костюме, почти задевающую развешенные над тротуарами красные фонари. И вдруг всё исчезло, только смутные силуэты скал и равномерное гудение подсказывали, что это оно – море.

Набежавшая волна по-собачьи обнюхала его плоские пальцы, потёрлась о

растоптанные сандалии. Никогда прежде он не был на море, даже на городской пляж не ходил, стесняясь огромного рыхлого тела. Плавать он научился в детстве на даче, сбегая до завтрака на речку Цну, достаточно мелкую, чтоб мама могла позволить этот утренний моцион.

В первой половине дня он ездил на экскурсии, гулял по городу, заглядывал в местные библиотеки и школы, в полуденную жару отсыпался в номере, а вечером отправлялся на пляж. Для купания он выбрал небольшую уединённую бухту, с трёх сторон окружённую каменными валунами с засохшими водорослями, а одной выходящую в Ялунваньский залив, по-иному именуемый заливом Азиатского дракона.

Он полюбил море за невиданную лёгкость в теле и безбрежный простор, которого было так много, что он проникал внутрь, вытесняя из сердца всё лишнее: школьную неразбериху, бумажную рутину, смешки старшеклассниц и молоденьких учительниц за его необъятной спиной. И только с самого края, как пустой карман, осталось место для другого. Для другой.

Как дельфин, отбившийся от стаи, он стал выплывать из своего убежища на открытый простор, чтобы издали подсмотреть, что делается на человеческом пляже, и однажды увидел её.

Она покачивалась на загровке Азиатского дракона, далёкая от происходящего на суше, никому не принадлежащая. Он долго не решался нарушить её уединение, наконец приблизился и спросил:

- Вас зовут Мэйли, дзай хайлань джон яо йе?
- А что это значит? – удивилась она.
- Прекрасная, Покачивающаяся На Волнах.
- Так длинно?
- В Китае любят длинные и пышные выражения.

Прекрасная отвела двумя руками влажные пряди, показав, как хорошо держится на воде, и увидела, что глаза у него цвета тёплого моря, а улыбка почти детская.

– А как будет Принц, Потерпевший Кораблекрушение?

– Принц – Ван-цзы. А кораблекрушение... Я, к сожалению, недостаточно знаю китайский язык.

– Тогда я буду называть вас Ван-цзы.

– А я вас Мэйли, дзай...

– Это длинно, вы устанете, – остановила она. – Лучше просто Мэйли.

Азиатский дракон качнул волны сильнее обычного, и их души, не удержавшись, опрокинулись в небесный простор.

Мэйли занималась в спортивной школе «Старт и финиш», освоила разные стили плавания и даже получила второй юношеский разряд, но демонстрировала свои умения редко, больше любила, раскинув руки, лежать на воде и мечтать.

Её сердце жаждало, если не алых парусов, то хотя бы нарядной лодки, украшенной развевающимися флажками, и она заплывала подальше от разгорячённых тел, надувных матрасов и единорогов в ожидании того, кто сделает для неё это чудо.

И вот появился он. Грей, Ихтиандр, Принц, потерпевший кораблекрушение, – он ведь возник из морского простора.

Когда солнце склонялось к западному краю неба, Мэйли выплывала в море, где её поджидал Ван-цзы, и они гуляли по Ялунваньскому заливу, как по проспекту.

Невидимые золотые кисточки рисовали иероглифы на трепещущих волнах.

– Вы очень красивая, – переводил Ван-цзы замысловатые солнечные письма.

– Сесе!

– В Китае на комплимент отвечают не спасибо, а нали, нали! Что вы, что вы! – говорил он. А она смеялась и поправляла волосы, открывая браслет в виде дракона, кусающего себя за хвост.

Ван-цзы рассказывал о тонкостях китайской поэзии и живописи, переплетённых между собой, как шань и шуй, о легендарных бойцах терракотовой армии, об ущелье тропических бабочек. Ей нравилось, когда с ней говорили о серьёзном, имена древних мудрецов действовали на неё, как заклинания. Два года она отучилась на филологическом факультете, много читала, но путала авторов и забывала подробности. Её вообще раздражали подробности, особенно когда длинно пересказывали сны и задавали дополнительные вопросы на экзаменах.

Море радовало отсутствием частностей и деталей, позволяло расслабиться, отдохнуть от мыслей о несданной сессии, о теннисисте, с которым было всё сложно, от вечного ожидания того, не знаю чего.

В мечтах она уже гуляла с принцем по горячему песку Ялунваньского залива, каталась на джонке с парусами из циновок, ела димсам с креветками в украшенном флажками и вертушками пляжном ресторанчике. А он всё рассказывал, чем эпоха Хань отличается от эпохи Цинь, и никак не догадывался причалить к берегу.

Мэйли стала уставать на воде, бояться медуз, а ещё в море водился планктон – такие противные опасные штучки. Но Ван-цзы наивно смотрел полупрозрачными глазами и убеждал, что медузы появляются только вдали от берега, в чистой воде, а планктон – явление редкое.

Тогда Мэйли сама назначила ему свидание на суше. Тёплым густым вечером она пришла на пляж, но не увидела своего героя. Он лежал в стороне, закопавшись в песок. Рядом была приготовлена продолговатая ямка в форме лодки. Мэйли удивилась, но ничего не сказала, села и стала грести к себе песок.

Ван-цзы гладил её сквозь тёплый сыпучий покров и голосом, каким делают признания, рассказывал ей сказки. И две зачарованных души уплывали туда, где зреют персики бессмертия, где великая мать Си Ван Му устраивает праздники для богов, духов и гениев, где простые люди соревнуются в написании стихов, а отважный юноша идёт над пучиной по дороге тоньше волоса и спасает прекрасную Люй-мэй, потому что сумел изгнать из сердца сомнение.

Мэйли слушала и думала, что ей ни за что не пройти той дорогой, даже если б она была толщиной с тысячелетний баньян, растущий в тропическом парке Янода. Сомнения мучили её всегда: плавание или гребля, портфак или филфак, Индия или Китай. Ей хотелось в Индию. У неё была соответствующая

щдая красота: округлые бёдра, тонкие лодыжки и запястья, на которых хорошо смотрелись браслеты и цепочки. Но сестра Саша убедила, что Китай более приспособлен для цивилизованного отдыха.

Красноликое солнце зарылось в песок по другую сторону моря.

– Как быстро стемнело, – заметила Мэйли.

– Потому что солнце здесь опускается по отвесу, а не скатывается с горки, как в средней полосе, – доступно объяснил Ван-цзы, и Мэйли в очередной раз порадовалась разносторонности его знаний.

Они шли, поглощённые крошечной южной тьмой, держась за руки, чтоб не потеряться. Только его голос и светлое пятно её футболки выдавали их присутствие. Ван-цзы рассказывал, что края китайских крыш загнуты вверх для того, чтоб драконы, которые обожают с них кататься, не сваливались людям на головы. А их души, резвясь над городом, съезжали по коричневой черепице.

К гостинице они подошли с неблагоприятного северо-запада, оставив в стороне бассейн, сияющий отражёнными огнями, фигурные фонари, освещённые клумбы в форме панд и павлинов. Ван-цзы остановился возле каких-то насыпей, издали похожих на горную гряду – строился новый корпус для отдыхающих.

Он прикрыл Мэйли полый пиджака. Она подняла голову, пытаясь разглядеть в темноте его лицо.

– Какой ты большой.

– Я ведь принц, а не принцесса.

– Ты Золушка! – засмеялась она. – Исчезаешь в самый неожиданный момент. Хоть бы башмачок оставлял.

– У меня башмачок сорок шестого размера. И мне действительно пора. Завтра я уезжаю.

– Завтра? – Она отстранилась. О многом хотелось спросить, но она понимала, что время пытливых вопросов ещё не пришло. – Хочешь, я провожу тебя?

– Это очень рано. Автобус в аэропорт отходит в пять утра.

Мэйли немного опоздала – нужно было уложить непослушные волосы, подчеркнуть выгоравшие на солнце брови и ресницы. Её красота, как у большинства женщин, требовала доработки.

Пассажиры уже сидели на местах, и говорить пришлось через окно. Лицо Ван-цзы загораживала то занавеска, то чья-то шляпа из бамбуковой щепы.

– Скажи что-нибудь на прощанье, – попросила Мэйли.

Он высунул голову в окно.

– Во ай ни.

– Что?

– Во ай ни!

– Похоже на войны...

Её душа метнулась вслед за автобусом, а сама она осталась стоять опустошённая. Вернулась уставшая, как после заплыва на четыреста метров.

– Что значит во ай ни? – спросила у милостивой китайки за стойкой.

Девушка широко улыбнулась, без стеснения показав редкие желтоватые

зубы. Зато маникюр у неё был в полном порядке. Пробежав им по клавиатуре, она прочитала нараспев:

– Я тебя люблю.

За овалом окна клубился вязкий рисовый туман. Принц летел над горными вершинами и плакал, не стыдясь своих слёз, потому что, когда плачет кто-то внутри, никому не видно.

На этот раз его место было посередине, и поднять пришлось оба подлокотника. Соседи, зажатые с двух сторон, его тихо ненавидели, но он ничего не замечал.

О любви Ван-цзы знал из художественной литературы и классического кино. Эти истории казались ему преувеличенным, как краски на картинах Рериха. Но вот появилась она. Трепетная птица – взгляд вполоборота, жесты, как взмах больших крыльев, разговоры о высоком. И, как на птицу, на неё хотелось смотреть. Не спугнуть.

Он опасался, что, увидев его при свете, в полный рост, она вспорхнёт и исчезнет. Нечто подобное уже было, когда мама решила познакомить его с дочерью подруги, правда, тогда жизнь не играла всеми красками цветового спектра. А теперь? Как жить в прежнем однотонном мире?

И он решил продлить волшебство – хоть на несколько легкокрылых дней, короткую жизнь тропической бабочки.

Ван-цзы положил перед собой фиолетовую тетрадь. Жизнь – череда волшебных превращений. Отбросив кокон, гусеница расправляет крылья и превращается в бабочку. Отбросив игрушку, дитя расправляет плечи и превращается в юношу. Просто всё это растянуто во времени, а мы невосприимчивы к движению времени и души...

Сосед слева, от скуки читавший из-под его руки, зевнул, пристроил дорожную подушку и зашевелился, заёрзал, пытаясь высвободить немного жизненного пространства.

Ван-цзы закрыл тетрадь и погрузился в себя. Горные вершины таяли в рисовом тумане, а в сердце разверзлась воздушная яма. Внешняя оболочка возвращалась в маленький городок на берегу Цны – душа оставалась под пальмами Хайнаня.

Через месяц Мэйли позвонила, чтобы поздравить его с праздником середины осени.

– Как ты меня нашла? – удивился он.

– В вашем городе среди учителей истории есть только один Ван-цзы, – засмеялась она.

Он мысленно поблагодарил всезнающий интернет и признался, что всё это время думал о ней.

– И ночью?

– Да. Сегодня во сне мы летали над морем, и луна была похожа на матовую жемчужину.

– Это к полнолунию, – разгадала она. – Мы с сестрой сегодня пекли лунные пряники.

Они переписывались по старинке, в бумажных конвертах. Он называл её розовым лотосом и нефритовой феей, посвящал ей стихи в стиле хокку. Она прикладывала к груди листы, исписанные вняттым учительским почерком, будто сердце умеет читать. А возвращаясь домой, представляла, что он ждёт на подоконнике пролётом выше или ниже. Но он опять не догадывался выйти на берег.

В День моря, который в Китае отмечают в честь легендарного мореплавателя Чжен Хэ, она взмахнула крыльями и полетела к юго-западному краю неба, куда влекло её начитанное сердце.

Ван-цзы ждал в аэропорту, возвышаясь над всеми на целую голову. Толпа постепенно редела, оттягивалась в стороны, как занавесь перед началом спектакля, а когда раскрылась совсем, стало ясно, какой он неловкий, грузный, с покатыми женскими плечами и непропорционально маленькой головой. Мэйли невольно подумала, что незачем было тратить столько времени и средств на модные магазины и дорогого парикмахера.

Его мать, полная, с потерявшими контуры лицом и телом, встретила гостью радушно, стала накрывать на стол, но Мэйли пожаловалась на усталость и разницу во времени. Ван-цзы отвёл её в комнату, заполненную китайскими статуэтками, книгами по фольклору и истории Поднебесной.

Дверь время от времени приоткрывалась, на старом комодe, как на скатерти-самобранке, возникали тарелки с фаршированными блинчиками, домашним сыром, графинчики с морсами. Вкрадчивая музыка из колонок напоминала ту, что доносилась с берега в первый день их знакомства.

Мэйли направила бокал на фотографию толстого мальчика в короне из золотой фольги и в бумажном воротнике-горгере. Атласная курточка жала под мышками, верёвочные петли врезались в живот, круглое лицо сквозь брусничную воду краснело, как заходящее солнце над Ялунваньским заливом.

– Маме нравится этот снимок, – смутился Ван-цзы и признался, что в детстве представлял, будто внутри у него живёт принц, похожий на эльфа из мультфильма про Дюймовочку. С тех пор осталась мечта: появится девушка, которая разглядит в нём принца, произнесёт волшебные слова и выпустит его на свободу.

– Во ай ни? – произнесла Мэйли. Но превращения не произошло, потому что заклинание нужно говорить утвердительно, без сомнений.

Он подошёл к ней близко, так что остались только глаза, хранившие цвет моря.

– Я большой, – сказал он. – И сердце у меня большое. Если хочешь, я буду любить тебя всем большим сердцем. Всю нашу большую жизнь. Если только захочешь.

«Ему пойдут свитера с высоким воротом. А костюм можно сшить на заказ», – подумала она.

Хорошо было спрятаться за его широкой спиной от подробностей жизни и ни о чём не думать. Осчастливить хотя бы одного человека, разве это мало?

Он качал её на коленях в старом кресле-качалке, а в далёких тёплых краях их души нежились на перине морской пены.

– Три года назад по дороге в Красноярск я проезжал станцию Тайга, и мне захотелось сойти с поезда, – вспоминал он. – Понравилось название, к тому же было какое-то предчувствие...

– Ну и сошёл бы. От Тайги до меня два часа на электричке.

Совпадения, которые они находили, начиная с детских игрушек, книг и аттракционов, казались им знаками судьбы. Она смотрела в его мерцающие в полумраке глаза, и их души переплетались друг с другом, как деревья влюблённых в парке «Край света».

Только глаза – зачем подробности?

Но подробности были, и с ними надо было что-то делать. Мэйли представляла его то китайским мудрецом и просила зачитать что-нибудь из «Истинного Фо», то русским богатырём, и размашистыми изнаночными петлями вязала ему свитер-кольчугу.

Иногда на неё нападала жажда деятельности, она начинала что-то представлять в его комнате, перевешивать фотографии, картины.

– Зачем этот старый комод? – спрашивала она и предлагала перенести резную отделку на письменный стол.

Вместе мерили, прикидывали, перебивали гвоздики, удивляясь согласию в мыслях и движениях. Разорённый комод выносился в сарай.

Через неделю мама, усадив гостью перед собой на диван, рассказала о своём знакомстве с мужем и скромной студенческой свадьбе. Если заглянуть в её глаза, можно было разглядеть девушку с белым бумажным венчиком в волосах, но кому интересно, что скрыто в старых подглазных мешках?

– Ну, а вы когда?

На следующий день они пошли в ближайшее ателье заказывать для Ванцзы костюм.

Себе Мэйли платье шить не стала. Вынула из чемодана красное многослойное – для сказки, начинавшейся под небом Китая, самое подходящее.

Свидетелями на регистрации были сестра невесты и брат жениха. Брат, тоже грузноватый, но, в общем, ничего, похожий на актёра из модного сериала, оценил Мэйли взглядом и поднял большой палец. Она независимо отвернулась, представила, как Саша разочарованно пожимает плечами. У них была соревновательность – Мэйли даже в секцию записалась потому, что плавала лучше сестры.

Саша приехала день в день, в свадебной машине передала ретро-открытку с кошками, играющими в теннис. На обратной стороне всего одно слово – «горько!». Теннисист был немногословен и однозначен – вот кто прошёл бы по дороге тоньше волоса! Его не растаскивали в стороны сомнения и метания. Когда он делал точные выпады, взлетая на ракетке, как на воздушном шарике, Мэйли говорила «ах», и душа её говорила «ах», и восторженно вторили девушки на теннисном корте – мир становился цельным и гармоничным.

Мэйли вертела в руках ретро-кошек, в её сложном платье не было карманов. Саша забрала открытку и, опустив боковое стекло, велела следить за погодой.

– Каким будет этот день, такой и вся ваша жизнь.

День выдался переменчивым, как в бане: то парило, то лило из небесного ушата, и деревья хлестали себя мокрыми ветками.

Когда шли по набережной Цны традиционной дорожкой новобрачных, ветер вырывал большой чёрный зонт, который жених удерживал над сёстрами.

В загсе в старинном трюме отразились мокрый подол красного платья, прилипшая ко лбу чёлка, чёрные точки туши на веках.

– А я сухая, – беззаботно удивилась Саша.

– Но ты же своя... – виновато ответил Ван-цзы на укоряющий взгляд Мэйли.

Сестра была в белом, с обнажёнными плечами, и на регистрации её пытались поменять местами с невестой. Сашина красота не требовала доработки – ресницы и брови у неё были тёмными от природы, а волосы ложились от небрежного взмаха головы без всякой укладки.

Последним сюрпризом погоды была крутая радуга, заключившая уходящий день огромной сияющей скобкой. Ван-цзы вспомнил ту, что сопровождала его в перелёте через Тибет, и брат, выполнявший роль фотографа, вышел из машины, чтоб запечатлеть это великолепие.

Радуга не входила в кадр целиком, пришлось делать две фотографии. Потом так и напечатали: одна жениху, другая невесте.

– Пока мы сможем их совместить – будем счастливы, – пообещал Ван-цзы.

Утром мама долго ходила мимо двери молодожёнов, гремела посудой на кухне.

– Сколько будут спать эти поросята? – поинтересовалась она.

И Мэйли заплакала густыми от накипи прошедшего дня слезами.

Ван-цзы не понял, испугался. А что она могла объяснить? Что нет больше розовых лотосов – есть розовые поросята?

– Что для тебя сделать? Что? – допытывался он.

– Похудеть, – ответила Мэйли и отвела взгляд – утро за окном было ясным, природа отдыхала от вчерашней маеты.

– Это не просто, – вздохнул Ван-цзы. – Я всегда был таким.

– Очень даже просто. Нужно только из большого желудка сделать маленький. Если меньше есть, он сожмётся и не будет требовать много пищи. Попробуем вместе?

И они стали считать калории, отказываться от блинчиков и биточков, выполнять комплекс упражнений цигун, которому Мэйли научили на улице Йингбин.

А потом она заставляла его за поеданием жирной маминой похлёбки и сердилась так, будто поймала за изменой.

– Кто обманывает в мелочах, тот и в большом способен! – возмущалась Мэйли. – Ты с самого начала мне лгал!

– Когда?

– Зарывался в песок, как страус.

– Страус прячет голову.

– Какая разница!

Он пытался посвятить её в суть волшебных превращений, открывшуюся

ему в небе Тибета. Внешняя оболочка должна исчезать, растворяться, телепортироваться, кануть в воду, в песок, во тьму. Мы тупы, потому что телесны...

– Опять цитата? – не вникая, прерывала она. – Вечно прячешься за чужими мыслями. Где ты сам?

Магия имён и афоризмов переставала действовать. А он надеялся, что у них всё будет ярко и празднично, как на картинах Рериха.

Он подходил близко, но она не смотрела ему в глаза, это ослабляло её уверенность в своей правоте.

Как последний аргумент он доставал из нагрудного кармана половинку радуги.

– Давай смотреть на вещи со светлой стороны, – предлагал он.

– А если нет светлых?

– Тогда надо натирать тёмные, пока не заблестят.

Они соединяли края радуги, и какое-то время Мэйли смотрела, как надо. Но потом светлые вещи загораживал чёрный зонт или большой бутерброд с ветчиной, который мама подкладывала сыночке на тарелку.

– Лишний вес вреден, – пыталась убедить Мэйли.

– Вредно истязать себя неизвестно зачем! – обижалась свекровь.

Ссоры и примирения делали жизнь стремительной и самодостаточной: стой, сиди, лежи на вагонной полке – тебя несёт по рельсам бытия. Иногда Ван-цзы срывался с подножки, выбегал за дверь. Потом возвращался и доставал свой кусок радуги. Мэйли, успев озябнуть на сквозняке одиночества, рылась в сумочке в поисках второй половинки, но вместо неё попадалась открытка с кошками, играющими в теннис.

Однажды, услышав, как в разговоре с сыном свекровь назвала её недоучкой, Мэйли побросала вещи в чемодан и в тот же день уехала доучиваться.

Их души низко летели над морем, изо всех сил стараясь удержаться друг за друга. Северо-западный ветер сдувал с бурунов морскую пену, рвал лепестки с кустов и клумб, сбивал с пути бабочек. Близился сезон тайфунов.

В письмах Ван-цзы по-прежнему называл её розовым лотосом, коротко пересказывал содержание длинных книг, советовал, как лучше подготовиться к сессии, чтоб не плавать на экзаменах.

«На то я и пловчиха», – отшучивалась Мэйли, но уже не прижимала его письма к груди, как раньше.

На весенних каникулах он взял билет до станции Тайга и всю дорогу писал в фиолетовой тетради цикл хокку.

*Утренний луч прикоснулся
К вершине горы Учжишань.
О тебе моя первая мысль.*

Волновались провода в сияющих бусинах капель, волновались одетые зелёной дымкой леса, трепетали ручьи, дрожал воздух. Но с каждым километром, как в обратной перемотке, волнение унималось, листья сворачивались в поч-

ки, скрывались первоцветы, сжимались проталины – поезд въезжал в зиму. И только сердце продолжало беспокоиться.

Комната на третьем этаже студенческого общежития была пуста. Над кроватью Мэйли висел портрет теннисиста, вырезанный из местного журнала. Значит, его она хочет видеть, когда солнце коснётся вершины горы Учжишань?

Ван-цзы нашёл вазу, решил принести воды, но кто-то держался за ручку двери с другой стороны. Он нажал сильнее.

Можно было подумать, что это двоюродный брат, и обнимает он её по-родственному. Или что это именинник, которого она решила поздравить. Можно было предположить что угодно, если бы не её растерянное лицо.

Тот, с фотографии, не взглянув на огромную фигуру, занявшую дверной проём, ушёл по коридору лёгкой спортивной походкой. Ван-цзы остался стоять, тяжело опустив плечи, будто ваза в его руках была каменной.

Мэйли принесла воды, поставила букет на подоконник. По китайскому поверью девушка, принимающая пионы, отвечает взаимностью.

Он улыбнулся, как старший, мудрый. Поверив его улыбке, она стала рассказывать. Они познакомилась в спортивной школе задолго до встречи с Ван-цзы. У них была общая компания, вместе ездили на соревнования, гуляли по широким освещённым улицам...

В доме напротив кто-то махал руками, то вскидывал в мольбе, то бросал в отчаянии – если наложить мгновенья друг на друга, как кадры фильма, получилось бы одно ветвистое дерево. За каждым окном свои паруса и своё кораблекрушение.

К чёрту поверья! К быкообразному Фэю с горы Тайшань!

– Ты что? – осеклась Мэйли.

– Я понял. С ним не надо прятаться в тёмных переулках.

Он вынул из кармана фотографию радуги и положил рядом с розовыми пионами.

Он уходил, а тот, который в нём жил, тянул обратно, и сердце должно было разорваться на части. Он огибал автобусные остановки – вдруг в тесноте кто-то надавит плечом, и сердце не выдержит. Он шёл и одно лишь твердил: сянсырбин, сянсырбин, сянсырбин – так в китайских сказках называется болезнь от несчастной любви.

Сев на проходящий поезд, он резко задвинул дверь купе. Логично было не увидеть своё отражение в зеркале, но он был: огромный, в измятом костюме, с осунувшимся лицом и проросшей щетиной – разбойник из тёмного переулка.

Несколько часов он пролежал на узкой короткой полке, уткнувшись в раскрашенную под мрамор перегородку. Пятна, штрихи, линии расходились и сходились в образы. Один, похожий на китайского мандарина, предложил:

– Ты можешь пожелать что угодно, только не про неё.

– А мне ничего другого не надо, – отказался он и проснулся.

На столике рядом с недопитыми стаканами чая лежали смятые гигиенические салфетки, использованный подгузник. С ним ехала семья с младенцем.

Как она говорила? Если желудок отучить от пищи, он уменьшится. Может, и сердце станет маленьким, если его отучить от красоты и порядка? От всего

хорошего, что наполняло жизнь: музыки, стихов, пенья птиц, весенних запахов.

Вдоль железной дороги тянулись серые куцые снега, мелькали покосившиеся за зиму изгороди, переполненные мусорные баки, ржавый остов машины. Для остального закрыто было сердце, как сжатый кулак. Он потерпел кораблекрушение, несчастье на море, чем легче будет сердце, тем больше вероятности, что его выбросит на берег.

Без Ван-цзы стало пусто и холодно, будто сломали стену дома, любой мог заглянуть в проём и спросить: «А ты что тут?».

Мэйли листала большую масляно-жёлтую книгу китайских сказок, прислушиваясь к тому, что происходит у неё внутри. Душа дрожала, как одинокий листок на верхушке персикового дерева, и отталкивала двумя руками всякого, кто подходил близко.

Теннисисту это надоело, он сказал «как хочешь, вообще» – так он заканчивал почти каждую фразу. А ей уже не хотелось «вообще», хотелось частных: розовых пионов, хрустальных хокку, прозрачных сказок на ночь. Отважный герой идёт над пропастью по дороге тоньше волоса в поисках прекрасной Люй-мэй. Под ним кишат оборотни с человеческими головами, рыбьими хвостами и черепашьими панцирями, а он держится, потому что сумел изгнать из сердца сомнение.

Сестра вложила ей в руку телефон и набрала номер.

– Я занят, – сказал Ван-цзы.

– Ну что? – шепнула Саша.

– Занято.

Она вернулась в девятый день девятого лунного месяца. Этот день обладает огромной силой янь, и его нужно преодолеть, как гору.

Долго бродила вокруг его дома, надеясь на случайную знаковую встречу. Но когда поднялась на второй этаж и вошла в дверь, обитую чёрным дерматином, поняла, что на улице могла его не узнать. Он похудел, завёл окладистую бородку, отросшие волосы собирал в пучок. Суровость лица пугала и заворачивала.

В комнате царили пустота и полумрак, китайские статуэтки, копившиеся годами, были снесены в сарай и свалены в ящики сосланного ранее комода. Половина книг перекочевала в шифоньер. Всё, чего она касалась когда-то, покрывалось пылью, которую он не разрешал стирать. Мать всё же прибиралась украдкой, кляня навязавшуюся на их голову китаянку.

– Я занят, – повторил он своё заклинание.

– Как твой «Истинный Фо»? – поинтересовалась Мэйли.

– Нет никакого Фо.

Книга о китайском фольклоре была заброшена, фиолетовая тетрадь пылилась вместе с другими безделушками. К школьным занятиям он почти не готовился, но теперь на его уроках дети сидели тихо. И на переменах никто больше не смеялся за его спиной.

– А как твой теннисист?

– Нет никакого теннисиста.

Да и не было, в сущности. Так... Сомнение. Балансирование над пропастью. Она достала из сумки с китайской жанровой картинкой две зеркальные фотографии и положила на письменный стол с отошедшей в нескольких местах комодной набивкой.

– Ты забыл свою радугу.

Цвета сошлись. Ван-цзы поморщился, как от резкого света.

– У меня теперь маленькое сердце, – сказал он.

– Ничего. Теперь у меня большое. Теперь я могу любить всем сердцем. Всю нашу большую жизнь.

Ему стало неловко за эту фразу, которую он сам произнёс когда-то. Слишком красиво, слишком утомительно. Там, где парят такие слова, нет покоя. Там боги Дянь-му и Лэй-гун мечут громы и молнии в поисках обманчивых человеческих сердец, и драконы сваливаются с городских крыш прямо на головы прохожих.

– Я болен, – признался Ван-цзы.

– Сянсырбин?

Он поднял на неё глаза. Она перестала корректировать внешность, черты стали сглаженными, смытыми, как на картинах Эдварда Мунка.

– Что ты удивляешься? Я читала китайские сказки. Всё это время я читала только про Китай.

– Тогда ты должна знать, что этот недуг неизлечим.

– Я знаю. От него немеют руки и губы, и тянет изнутри, будто неотрезанная пуговина. Но одно лекарство всё же есть.

– Бивни старого дракона? – вспомнил Ван-цзы и обречённо покачал головой.

Ещё ни один герой ни в одной китайской сказке не сумел добыть это снадобье – оттого болезнь и считается смертельной.

Но за Тибетскими горами, в бухте Ялуньвань две истосковавшиеся души сцепили ладони и устремились в межнебесный простор – туда, где обитают боги, духи и гении, а земная хлябь и людские скорби скрыты нижними небесами.